

А. К. Шапошников
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
etymol@mail.ru

Рец.: ЖУРАВЛЕВ А. Ф. ЭВОЛЮЦИИ СМЫСЛОВ. —
М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. — 472 с. — ISBN 978-5-9907947-5-7

Представляемая книга включает работы А. Ф. Журавлёва, касающиеся различных аспектов слав. лексической и фразеологической семантики. Работы, опубликованные ранее, существенно расширены за счёт нового материала и усиления аргументации. Издание адресовано лингвистам и историкам культуры, но представляет интерес и для более широкого круга читателей.

Ключевые слова: лексическая семантика, фразеологическая семантика, язык, лексика, материальная и духовная культура, реконструкция картины мира, аксиологическая (ценностная) категория, наивное и кабинетное этимологизирование, перевод, этимология, семантическая параллель, символика чисел.

В первом разделе книги «Слово в контексте культуры» представлены исследования, посвященные связям языка и культуры: отражению в лексике состояния материальной и духовной культуры древних славян, реконструкции фрагментов ранней картины мира и ценностных категорий, явлению наивного этимологизирования, межкультурных конфликтов при переводе и в словарной интерпретации инокультурных (диалектных) фактов и др.

Этот раздел открывает очень полезная для издателей и составителей энциклопедических словарей серии «Мифы народов мира» глава «Фреквентарий мотивных элементов в мифологиях мира» (с. 11–38).

Глава «Материальная культура древних славян по данным праславянской лексики» (с. 39–64) является своеобразной репликой первого издания труда О. Н. Трубачёва «Этногенез и культура древнейших славян» [Трубачёв 1991]. Хотя сам автор и оценивал эту свою работу как краткий и далекий от полноты очерк описания позднепраславянской культуры, она теперь смотрится весомым и всеобъемлющим исследованием, несколько не утрачивающим своего значения.

А. Ф. Журавлёв реконструировал образ жизни славян позднепраславянского языкового состояния VI–VII вв. В 1990-е гг. хозяйственно-культурный тип праславянской общности многими виделся однообразно: оседлые пашенные земледельцы.

Надо заметить, что археологические исследования культур, приписываемых славянским этническим группам VI в. (венедов, антов и славян) выявили большее разнообразие хозяйственно-культурных типов (ХКТ). А именно, только венды (археологическая культура пражско-корчакских древностей) действительно относились к ХКТ пашенных земледельцев лесов умеренного пояса; анты (пеньковская археологическая культура в Scythia Maior: Северное Причерноморье) и славяне (археологическая культура Ипотешти-Кындешти в Scythia Minor) относились к ХКТ мотыжных земледельцев и отгонных скотоводов степей и сухих предгорий. Степень оседлости этнических групп при этом различалась значительно от ареала к ареалу. Что, безусловно, должно было сказаться на формировании ареального терминологического репертуара.

Кроме того, необходимо выделить особые слои сельскохозяйственной терминологии предшествующих средне-праславянского (II–V вв.) и ранне-праславянского (VII в. до н. э. — I в. н. э.) периодов. Средне-праславянскому языковому состоянию соответствовал ХКТ как пашенных земледельцев лесостепей умеренного пояса, так и мотыжных земледельцев и отгонных скотоводов степей и сухих предгорий, а в некоторых засушливых местностях Сев. Причерноморья даже скотоводов кочевников степей. Ранне-праславянскому языковому состоянию VII в. до н. э. — I в. н. э. скорее подходил ХКТ ручных земледельцев и отгонных скотоводов горной зоны и мотыжных земледельцев сухих предгорий и степей. См. Хозяйственно-культурные типы в книге Чебоксаровых [Чебоксаров, Чебоксарова 1985: 177–184, 201, 202, 206, 219, 228–235].

По тексту главы обратим внимание читателей на следующие важные моменты:

- ~ этимологию праслав. сущ. **lěsъ* < **uloi-k'-os* (с. 42);
- ~ реконструкт **skorda*, скорее всего, результат депрефиксации **obskorda* (с. 43);
- ~ сущ. **sočevica* (чечевица) (с. 43) выглядит как очень позднее ареальное новообразование, не является ли более ранним термином **lęta* [БЕР III, 382–383], например?
- ~ скотоводческие термины **koza*, **kozьbь*, **kozę*, *-ęte* (с. 45) не могут быть обозначением второстепенного вида домашних животных. Напротив, это один из древних терминов, гомогенный индоиранскому **[s]kaga* / **[s]k'aga*, **[s]kagala* / **[s]k'agala*- (др.-инд. *chaga*, *chagala*, др.-иран. *saga*), зафиксированный еще палеобалканскими письменными свидетельствами V–I вв. до н. э. (*kozas*, *kozeilas*) : скиф. Κοζ..., Κοζαῖος [КБН № 839, с. 879], фрак. Κοζας, Κοζαλέας, Κοζαρος, Κοζεικενθος, Κοζειλας, Κοζιβιθς, Κοζιvθης, Κοζιστης [Detschew 1976: 249], обозначал жертвенное животное Перуна кривичей (даже у самой северной границы их этнической территории) и связан с обрядностью трехлетнего Диониса в г. Гелоне (ср. праслав. термины **trizь* и **trizьna*, если мы правильно трактуем их как «трехлетний»). Отмечу ещё и верное наблюдение А. Ф. Журавлёва (с. 46) о том, что преимущественное назначение козьих шкур и кож в праславянской сельскохозяйственной культуре — не только обиходное (*кожух*), но и обрядовое (болг. ряженые *кукери*);

~ реконструкт глг. **skopiti* (с. 45), скорее всего, депрефиксация приставочных форм **obskopiti* или **sъkopiti*;

~ этимология сущ. **volь* (с. 45) остается неудовлетворительной [Navlová 2010: 177; Шапошников 2012: 357], так как семантика слова в слав. языках, как правило, ассоциативно связана с дикостью, необузданностью (ср. переоформление и переосмысление

**bujьvolь* < лат. *bubalus?*), силой, особенно тягловой, выносливостью (что находится в контрасте с качествами холощенного животного); подозреваю, что вернее сравнивать с лат. сущ. *valens*, *-entis* и глаг. *valeo*, *valere*, нежели с праслав. глаг. **val'ati*;

~ этимология **borvь* (с. 45) теперь видится иначе — см. последние этимологические решения [Маньков 2010: 167–174; Шапошников 2012: 347–348];

~ этимология **кьnorзь* (с. 45) теперь видится диаметрально противоположной: не ‘без тестикул’, а ‘с тестикулами’ [Кретов 1994: 197–206; Шапошников 2012: 250, 358];

~ Этимология сущ. **skotь* (с. 46), если в нем усматривать не поздний германизм, а собственно праслав. образование, требует другого решения;

~ Этимология **skora* (с. 46) также лучше считать относительно поздней депрефиксацией **obskora*.

Любопытны подмеченные автором контрасты словообразовательных моделей с суф. *-ina* (в одних словах **konina*, **govędina*, **svinina* ‘мясо’, а в других **азьно*, **овьщина* ‘шкура, шерсть’), свидетельствующие о разном времени словообразования, об их принадлежности разным хронологическим слоям.

А вот с этимологией *kurь*, *kuralkury* и *kurь*, *kurьve*, столь полюбившейся как народным, так и кабинетным этимологам, позволю себе не согласиться. Убежден, что перед нами гетерогенные омонимы без древней семантической контаминации. Есть еще и третий омоним **kurь* 3 в составе **będokurь*, **vinokurь* ‘винодел’ и гнездо глаг. **kuriti* ‘дымить’.

Отмечу верные наблюдения автора о важности сезонного собирательства, бортничества, рыболовства и охоты в хозяйственной культуре праславян (сс. 48–49). Более того, в некоторых локальных праславянских культурах они наверняка играли более важную роль, чем скотоводство и земледелие, особенно в лесах умеренного пояса.

Любопытны реконструкты **jbьskalь* ‘пчела-разведчица’ (с. 50) и **vosкь*, они явно требуют доработки (см. [Шапошников 2015]).

Очень хороша идея о гомогенном происхождении праслав. **krupa* и греч. глаг. κρούω ‘бить, толкать’ (с. 50). Остаётся выяснить природу суффикса или расширения основы (?) *-p-*.

Важной представляется неоднократно констатируемая автором первичная семантика праслав. **domь* ‘домохозяйство, семья’ (с. 51), а не ‘жилое здание’.

Реконструкт **kqть* ‘внутренний угол (внутри помещения здания или строения)’ как оппозиция **qгьль* ‘внешний угол (снаружи здания или строения)’ скорее всего, явление позднее. И такое сужение значения вторично. Скифский этноним I в. н. э. *Santiocaptae* ‘копатели полуземлянок’ подсказывает предшествующее значение основы **kantio-* ‘вырытое в земле помещение, (полу)землянка’ гомогенное туранскому **kata*, **kanta*, санскр. *kantha-* ‘ров’.

Этимология **jbьstьba*, подробно обсуждаемая на сс. 51–52, требует нового подхода. Первичное значение ‘хурсаустум; жилое здание с отопительной печью или открытым очагом в (полу)подвальном этаже и отапливаемое жилое помещение на первом (втором) этаже’. Это know how народной архитектуры является не собственным изобретением праславян, а заимствованием из провинциальной

римской архитектуры (особенно провинций Дакия и Малая Скифия не старше I–II вв. н. э. Следовательно, не только обозначаемое, значение, но, вероятно, и само обозначающее (слово, термин) имеют заимствованную природу, или, в последнем случае, калькирует римский термин. Ныне господствует мнение о том, что праслав. **jьstь/ьba* ‘баня, парилка’, ‘полуземлянка; подвал, погреб’, ‘сруб’, ‘помещение, жилище’ заимствовано из прованс. *estuba* (?), продолжения нар.-лат. **extupa* (галло-роман. **estuva* < ст.-франц. *estuve*) ‘баня, парилка’, производного от народнолат. глаг. *extupare* ‘испаряться’, якобы, приставочного производного от греч. τυφείν ‘дымить’ (!). Ср. прованс. *estuba*, итал. *stufa*, франц. *étuve*. Из того же источника было заимствованно и прагерм. **stubō* (ср. др.-в.-нем. *stuba*, нем. *Stube*). Якобы позднее на праслав. **jьstьba* повлияли слова группы **jьz-topьka*, **jьz-topiti*. В слав. диалектах стали смешиваться *изба* и *истопка*. Но это толкование наталкивается на фонетические затруднения (почему-то интервокальный *-b-* появился на месте предполагаемого *-p-* или *-v-/-f-*, романский *-ū-* отразился в виде *-b-*; трудно объяснить окончательное ударение). Все эти наблюдения заставляют еще и еще раз присмотреться к данному слову. При формальном подходе можно сделать вывод, что **jьstьba* — это производное имя действия на *-ьba* (ср. *лежьба* в составе *лежбище* — *лежать*, *настьба* — *насти*) от некоего глагола **jьsti* ‘гореть (о топливе), жечь (дрова), топить дровами’, соотносительного с перегласовкой корня с сущ. **ěsteja*, **ěstje*, **ěstь* ‘отверстие печи’. Отсюда справедливо возникает значение ‘истопка’, ‘отапливаемый дом’. Далее произошел смысловой переход от имени действия к месту этого действия. Первоисточником лексического гнезда **ěstje*, **jьsti* может быть как и.-е. **aid^h- / *idh-* ‘гореть, светить’ (от которого был произведен раннепраслав. гл. ****id^hti* > ****isti* > **jьsti*, в таком виде не сохранившийся в слав. языках-потомках, и сущ. ****aidhtijom* > **oistijom* > **ěstijan*), так и **ed-t-* ‘есть’, **ēd-t-iom*, ср. нем. *Esse* ‘кузнечный горн’ и др.-греч. ἰστία, ἔστια ‘очаг’, ‘огонь’ и лат. *Vesta* ‘богиня очага’, *vestib-ul-um* ‘помещение в доме с открытым очагом’. См. [Шапошников ЭССРЯ 2010, 1: 33; Шапошников 2012].

Верную мысль А. Ф. Журавлёва о первичном значении праслав. **koldenьсь*, **koldęзь* (германизма **kalding-*) ‘холодный, студёный’ можно подкрепить болгарскими устойчивыми поэтическими оборотами «на студен бистър кладенец» (в песнях болгар разных областей).

Хорошо известные праслав. термины глиняно-каменной народной архитектуры (**zidь/zьdь*, **koťь*, **koťja*, **stěna*, **zavalina*) бросают вызов господствующей идее о преимущественно деревянной народной архитектуре всех праславян (с. 53). Это подтверждается степными и лесостепными археологическими культурами антов и славян Северного Причерноморья и Малой Скифии [Седов 1994].

Весьма сомнительна производность сущ. **zdorvьje* от **dervo* (не говоря уж о нелепом семантическом развитии) (с. 53), столь популярная в кабинетной софистике. Существование праслав. **storvь*, др.-русск. *сторовь*, ст.-польск. *strow* делает эти расхожие домыслы излишними.

Реконструкт собственно праслав. **skob(ь)ль* (54 с.) требует внятного объяснения анлаутного *sko-*.

Очень хороша идея родства (гомогенности) и однокоренной природы праслав. **lъžica* и **lyža* (с. 54).

Этимология О. Н. Трубочёва **ěstěja* [ЭССЯ 6: 53] оспаривается на основе этимологии южно-болг. диал. *нестинарь*, *нестинарка* [Шапошников 2012].

Поддерживаю этимологическую связь праслав. **jьgo* и **jьgьla* (60 с.) самым решительным образом. *Игла* явл. суф. производным от *иго* и обозначала сначала деталь ига, ярма. Много позже это наименование было перенесено на похожее по форме (стержень с ушком на одном конце и заострением на другом) маленькое орудие труда (швейную иглу) в ремесле портного.

Реконструкт **skora* (с. 60) неудовлетворителен.

Следует оспорить и общепринятое мнение о крайне поздней природе морского термина **koty*, -*ъve* (с. 62). Палеобалканский материал свидетельствует однозначно не только о бытовании цельнолексемного аппеллятивного аналога *κότυς*, -*ους* 'котва, якорь' в эллинистический период, но и функционирования его в виде престижного династического имени *Κότυς*. Семантика подтверждается чеканом монет Котиса I, на реверсе которых изображен якорь.

Отличный авторский «лексико-семантический» сюжет об этимоне основы сущ. **dъvigь*, **dъvigo* как двойного ига перекидывает мостик к уточненному толкованию глаг. **dvigati*, **dvignoti* (и сущ. **dvigatelь*, **dviženjbe*) (с. 63), ср. [ЭССЯ 5: 168–169, 189].

Можно оспорить общепринятое толкование праслав. **jexati* / **jaxati* как расширение основы посредством -*x*- глаг. ***jati* / ***jeti* 'идти' (с. 63–64).

Прочитую несколько важных мыслей А. Ф. Журавлева, о которых должны знать новые поколения этимологов и историков материальной культуры.

«Соотнесение славянских языковых фактов с показаниями других родственных языковых групп и семей позволяет проникать в гораздо более глубокие страты культурной истории» (с. 64)

«Если лингвистика конкурирует с археологией как дисциплиной, имеющей дело преимущественно с физическими вещами, то в реконструкции духовной культуры и древнейших социальных структур исследования языка (и архаики, сохраняемой фольклором) увеличивают свою значимость, иной раз, оказываясь единственной дорогой к познанию начальных импульсов и устоев цивилизации» (с. 64).

Органично следует глава «Древнеславянская фундаментальная аксиология в зеркале праславянской лексики» (с. 65–85). Автор утверждает, что к существенным моментам, одновременно отсылающим как к материальной, так и к духовной культурным традициям, следует причислить аксиологические установки, свойственные данному человеческому обществу (с. 66).

Эти установки обозримы в составе праславянской антропонимии (сс. 66–69).

Другой путь моделирования идиоэтнического аксиологического круга применительно к славянскому материалу видится в анализе лексики с негативной префиксацией, в частности с приставкой **bez-* (сс. 69–82).

В главе «К реконструкции древнеславянского мировидения (о категориях «доли» и «меры» в их языковом и культурном выражении)» (с. 85–95) автор

рассматривает одну из важнейших проблем праслав. семасиологии и приходит к выводу, что адекватный анализ славянских народных представлений о доле и, шире, об основах мирового равновесия нуждается в привлечении гораздо большего круга понятий, этнографических и языковых фактов, чем тот, который обычно используют в исследованиях подобного рода (с. 95).

Концепт **věky* в славянской картине мира представляется автору как отмеренный Богом (Богами?) каждому срок его жизни, в протяжении которой должны быть реализованы все его потенции. Анализируются производные *безвекый*, *вечный*, *безвечный*, *увечный* (с. 86).

В следующей главе «Диалектный словарь и культурные реконструкции» А. Ф. Журавлёв критически рассматривает концепцию В. Шаура [Шаур 1973: 93–101] о начале года у древних славян. Не только полностью согласен с неутешительными выводами автора, но и сам предлагал альтернативное решение этого вопроса [Шапошников 2013: 73–82].

На сс. 105–106 автор выясняет этимологию и семантическую мотивированность славянского наименования «колдуна».

Представляется перспективной этимология этого термина на базе вост.-слав. *колтунь* ‘длинные жесткие волосы на голове у мужчины’ и кашубск. *kaltun*, имеющего соответствующее глагольное образование — польск. *kieltać* [Popowska-Taborska 1989: 46–48]. Далее сопоставляют с др.-ирл. *calath* — кельтский обычай смазывать волосы каким-то известковым раствором [Филип 1961]. Высказывалось предположение, что кашубск. устар. *kalt* может отражать этноним «кельт», ср. кельтские племенные названия *caleti*, *caletes* [Moszyński 1957: 286].

Завершает главу очень хороший сюжет, в котором рассмотрена семантическая мотивированность названия обряда крещения и похорон кукушки. Как становится понятным в результате проведенного разбора материалов всех видов, кукушкой в данном случае изначально именовали просто куклу (замечу, что перед нами просторечная порча уменьшительно-ласкательной формы **куклушка*, ср. *бабушка*, *бабочка*), а сама обрядность не имела указания на сезонную приуроченность к ранней весне, или времени, когда поет кукушка. В данном случае прекрасно видно, как в результате народной этимологии обрядность обрастает домыслами и излишествами, из первоначального явления вовсе не вытекающими.

Очень хороша глава «Наивная этимология и кабинетная мифология (из наблюдений над источниками мифологизма А. Н. Афанасьева)» (с. 111–124). А. Ф. Журавлёв исходит из следующей установки: «Изучение словарного состава языка в диахроническом аспекте, этимология и историческая семантика являются важным и неисчерпанным ресурсом для реконструкции прошлых состояний культуры, в частности, духовной культуры и мифологии как существенной её составляющих».

Тема этой главы — рассмотрение проблемы связи между познанием языка и познанием культуры в направлении от первого (реконструкция языка) ко второму (реконструкция культуры), выявление мотивированности, внутренней формы того или иного слова, которое ведёт к постулированию тех или иных черт древнего миропонимания, тех или иных этнокультурных моментов. Неверная этимологизация

может приводить к приписыванию исследуемой древней культуре особенностей, ей никогда не свойственных. Ложные мифологические построения могут иметь причиной простое непонимание реальности параллельной словообразовательной мотивации. В явлениях ложной этимологии срабатывают определенные мировоззренческие и культурные стереотипы, заслуживающие особого анализа (с. 124).

Глава «Кто такой *царь Горох*» знакомит читателей с виртуозно написанной статьёй 2010 г. В результате всеохватного анализа фразеологизма «при царе Горохе» автор приходит к такому заключению: разумнее видеть в этом фразеологизме здоровые плоды народной «раблезианской филологии» — игры смыслами, нарочитого алогизма, словесных экспериментов по совмещению несовместимых вещей, юмористического снижения образа властителя, сознательного профанирования сакрального, «изнаночного» карнавального поведения (с. 128). Все это прекрасно подходит к описанию внутренней формы слова (эволюции семантики), но оставляет в тени внешнюю форму слова. Почему народная молва остановила свой выбор именно на слове «Горох»?

Если ухватиться за авторское допущение «реальная история также отражается в такой фразеологии», то можно все-таки ответить на сакраментальный вопрос, вынесенный в заглавие. Я бы заподозрил в просторечном «при царе Горохе», т. е. «очень давно» профанацию и русскую адаптацию цслав. книжного изречения «при (цсарѣ?) Гра(к)хъ» из какого-то переводного хроникона или сборника. Эта книжная реминисценция касалась кого-то из славного римского рода, фамилии Гракхов (*Gracchi, Gracchus*), давшего Риму консулов и народных трибунов, проконсулов и цензоров, спорное аграрное законодательство и проч. Имя Гракхус (*Gracchus*) было на слуху римлян в III–I вв. до н. э., и, конечно, непременно фигурировало на страницах исторических, аграрных и хронографических сочинений, в том числе и средневековых. Для последних Гракхи были отзвуками давно прошедших времен, а суть их политических, экономических и моральных реформ была неразличима во тьме веков. Но кто-то из церковных книжников реинтерпретировал цслав. форму имени *Гра^ххъ* как цслав. *грахъ*, додумался адекватно переложить её на русск. яз. в виде *горохъ* и запустил в оборот с невнятным содержанием ‘легендарный правитель, живший невесть когда’. Надеюсь, автор простит мне эту вольность.

Глава «*Сушец пеку* или как лечили худосочие» (сс. 131–135) посвящена народному обряду перепекания младенца. По мнению автора, исследуемый обряд относится скорее к целительской обрядности, чем к идее пересотворения ребёнка. Автор предпочитает версию превозможения нежелательного состояния в этом вост.-слав. обычае.

Напомню читателям аналогичный ритуальный сюжет из цикла мифов о Деметре. Чтобы сослужить Келею службу, Деметра решила сделать Демофонта бессмертным. Той же ночью она *закаляла его в огне*, чтобы выжечь его смертную природу. Внезапно вошедшая Метанира прервала обряд, чары исчезли, и Демофонт умер.

Глава «Российская городская геральдика и наивная этимология» состоит из 2-х взаимосвязанных сюжетов. Первый сюжет раскрывает мотивационное несоответствие на примерах гербов городов *Мышкина, Старицы, Великих Лук, Вереи, Глазова, Духовицны, Звенигорода, Зубцова, Козлова, Кологрива, Котельнича, Ломова*). Второй сюжет выявляет этимологическую несогласованность на примере гербов

городов *Буй, Ветлуга, Елец, Коломна, Кронштадт, Курск, Медынь, Наровчат, Оса, Повенец, Рязжск, пгт Струги Красные.*

Ошибки в старых гербах едва ли удастся когда-либо исправить. Во вновь создаваемых гербах предпочтительно избегать ошибок путем консультации у специалистов-ониматологов (с. 149). Эта глава достойна быть методическим руководством в геральдической палате.

Глава «О русских коллективно-региональных прозвищах» (с. 151–163) органично объединяет сюжеты: 1. Русская «микротопонимия» и этническое самосознание (с. 151–154); 2. Этнография в прозвищах (с. 154–159); 3. Диалектология в прозвищах (с. 159–163). Эти исследования служат истории языка и даже лингвострановедению, помогают в разработке проблемы классификации говоров и диалектного членения языка. Небезынтересны эти сюжеты и для типологии образования этнонимов и соционимов всех видов.

Глава «Фонетика бесовской речи (на вост.-слав. материале)» (с. 165–182) буквально хрестоматийна в своем роде. В ней автор пространно рассуждает об источниках и методе исследования (с. 165–168); делится общими впечатлениями о фонетике демонической речи (с. 168–170); сообщает о фонетических предпочтениях в бесовской речи (с. 170–173); реконструирует фонетику *verbozum dicendi*, характеризующих нечистую силу (с. 173–175); анализирует звукоподражательные и звукоизобразительные названия мифологических персонажей (с. 175–177); рассуждает о сходстве в передаче бесовской речи и передаче птичьих голосов (с. 177–178); делает попытку семиотической интерпретации.

Его выводы таковы: 1) в фонетической организации глоссолалий нечистой силы главенствующая роль принадлежит заднеязычным взрывным и фрикативным согласным, а также билабиальным согласным (фонемы бемольные и низкотональные) (с. 178–179); 2) сходство между фонетикой бесов и голосами птиц (180); 3) повторы характерны для фонетики, морфологии и синтаксиса бесовских текстов, а также для дескриптивных глаголов и субстантивов, производных от междометной лексики бесов. Ср., к прим., праслав. **kyka*, **kykati*, **kykotati*, **kykotъ*, **kykymora* [ЭССЯ 13: 259–262].

В целом великолепный опус, новаторский не только в психолингвистической, но и в семасиологической области.

Несколько портят впечатление последние 2 абзаца этой главы, подливающие масло в огонь религиозного обскурантизма (с. 181). Уверен, что автор этого вовсе не желал. Без этих 2-х абзацев эта глава имела бы образцовый характер.

В главе «*Новой*: от местоимения к местоимению» (с. 183–191) автор делится своими наблюдениями над распространённой особенностью русских региональных словарей, которая заключается в нерешительности составителей при определении принадлежности описываемых лексических единиц тому или иному грамматическому разряду. Верный и точный анализ проделан на примере прилаг. *новóй* в местоименной функции.

Глава «О смысловых и коннотационных потерях в межкультурных трансляциях» состоит из двух очерков. В первом очерке «*Один, ничаво, славный юнга*

и Райзман с Коганом, или к вопросу об истоках северновеликорусской икоты» (193–209) автор приходит к выводу о том, что вторичный текст, каковым является перевод, никоим образом не может быть эквивалентным оригиналу. Возможность безущербного диалога культур, инструментом которого призвано быть переводческое искусство, — увы, один из чересчур благостных культурных мифов (с. 209).

Во втором очерке «Все боги, жена, монах и конь, имеющий копыта, или как из кислого молока делают свежее» автор приходит к выводу о том, что незнакомство с тем или иным явлением народной культуры, требующим своего отражения в диалектном лексиконе, нельзя считать принципиальными корнями межкультурных конфликтов, возникающих в лексикографической практике: всё знать нельзя (с. 225).

Второй раздел «Этимологии» (сс. 227–320) образуют статьи по славянской этимологии — конкретные разработки с преимущественным вниманием к мотивациям и смысловым преобразованиям, наблюдения над методологией этимологических исследований. Раздел открывает глава «Интуиция этимолога» (сс. 229–245), в которой автор рассуждает о поразительной интуиции О. Н. Трубачёва, «труды которого должны быть причислены к категории «поучительных» работ: их чтение оказывается весьма поучительным как в том, что касается содержания этимологических разысканий вообще, так и, в частности, относительно приёмов, с помощью которых эти поиски осуществляются» (с. 229). Далее автор вглядывается в длинный ряд этимологических решений О. Н. Трубачёва и в каждом обнаруживает грубое наитие.

Так, в частности, он отмечает, что для этимологии праслав. **čьrtь* ‘злой дух, бес’ ключевым семасиологическим аргументом является сложное сущ. **čьrtoryja* или **krotoryja* (сс. 232–234).

Этимология позднепраслав. **něть(jь)* состоит в реконструкции сложного слова **ne+*jьть* не схватывающий, не понимающий, ср. **po+nimajetъ* (с. 234–235). Я бы усилил аргументацию этой этимологии аналогичными образованиями в итал. *noncapisco* буквально ‘не схватываю’, так как глаг. *capisco* образован на основе лат. глаг. *capio, cepi, captum, capere* ‘брать, взять; перенимать, усваивать; захватывать; охватывать, овладевать, усваивать, понимать, постигать’, ср. *mens eorum hoc non capit* ‘их ум не в состоянии этого понять’;

Этимология фитонима **emela* / **emelo* / **emelъ* также на базе и.-е. глаг. основы **em-* ‘брать, хватать’. Мотивация словообразования видится в использовании клея из ягод или коры омелы в птичьей охоте (омела «ловушка для птиц»?) или в сексуальной символике омелы в брачном обряде (омела «брак, взятие жены»?). К слову, возможна и другая мотивация словообразования праслав. **omela*: вязущий, горький вкус омелы, ср. дакийскую глоссу *amalusta* ‘ромашка’ [Detschew 1976: 543], восходящую в конечном счете к и.-е. диал. **am-lo-* ‘горький, кислый, сладкий’, переосмысленному как производное с суф. *-el-* на слав. почве. Ближайшие соответствия: лит. *āmalas*, лтш. *āmuli* ‘омела’, *amols* ‘клевер’, др.-прусс. *emelno* ‘кизильник’, др.-инд. *amlá-* ‘кислый’, лат. *amarus* ‘горький’, гот. *Amal-* герой-эпоним династии Амалов. Форма *имела* (**umela*) может восходить к закономерному праслав. отражению заимствований с долгим *-ō-* (ср. лат. *Roma* — общеслав. **Rumъ*).

В таком случае, праслав. **umela* заимствовано из ближе неизвестного и.-е. источника **ōmela* ‘омела’ (др.-инд. *āmá-* ‘сырой, незрелый’, др.-греч. ὄμος — тж).

Весьма заманчива этимология (сс. 236–237) праслав. (диал.?) **grotъ* / **gromy* ‘θύματα, immolationes, жертвы’ как реликтовое страд. нетематич. прич. наст. вр. от глг. **ž(b)rěti* [ЭССЯ 7: 139]. Однако, остаётся проблема и.-е. омонимии нескольких корней типа **g^her-* 1, 2, 3–1 ‘жрать, глотать’, 2 ‘жерло, горло’, 3 ‘жреть, жертва’ (См. русско-санскр. этимологические этюды в этом сб.).

Пример интуитивной этимологии глг. **kresati*, основанной на допущении вторичности семантики ‘ударять, сечь, высекать’, лучше элиминировать. Я совершенно уверен, что праслав. глг. **kresati* (или **krъsnōti*) имел изначально конкретное, специализированное, рано терминологизированное значение ‘многократно ударяя кресалом (плектром), слегка касаясь поверхности огнива (струн), высекать огонь (извлекать звук)’, глг. на *-ati* от праслав. основы **kres-* (< и.-е. **krék-*), родственной греч. κρέκω ‘прибивать челноком, т. е. ткать’, ‘выбивать плектром, наигрывать (на кифаре)’, ‘издавать, извлекать звук’. Ср. *кресало, кросно*.

А вот пример этимологии **drugъ(jb)* < **draugas* < **drougos* ‘второй’ как ‘следующий за’ с верной словообразовательной аналогией лат. *sequor* ‘следую за’ и *secundus* прич. ‘следующий за’, порядк. числ. ‘второй’ (сс. 239–241) весьма показателен.

Пример с «аргументом храма» в и.-е. культуре (сс. 241–243) не слишком удачен, так как утрата обще-и.-е. термина со знач. ‘храм’ (м. б., его просто пока не опознали в архаичной лексике дочерних языков, ср. казус с ритуальной природой слав. сущ. *игра*) ни коим образом не свидетельствует об отсутствии святилищ как таковых (зданий и строений!) в ранней и.-е. культуре. А семантическая эволюция (параллельная) от знач. ‘нечто натянутое’ к значению ‘священный участок’ и далее ‘храм’ при всей своей привлекательности и остроумии выглядит малоубедительной. Ведь самые ее основания подрывает шумер. термин *temen* ‘священный участок, храмовая земля’, цельнолексемное заимствование в др.-греч. τέμενος, испорченное в лат. *templum*.

Верные наблюдения автора об этимологии **badati* (*se*) [ЭССЯ 1: 122–123] (сс. 243–244) завершаются изящным сюжетом с этимологией таксона в средневековом бестиарии *Индрик-зверь* (сс. 244–245).

Следующая глава «По поводу *истины* (семантико-типологический комментарий)» (с. 257–259), которую мы теперь рекомендуем нашим молодым коллегам, вступающим на этимологическое поприще, ставит целью защитить одну из имеющихся этимологий слова **jbstina* и представляет собой попытку разбора некоторых выдвинутых против неё аргументов. Старая этимология этого праслав. сущ., как производного с суф. *-ina* от основы прилаг. **jbstъ(jb)* [Мейе 1951: 294] была развита В. Н. Топоровым, который дал собственную этимологию именно этому последнему прилаг. **jbstъ*: сочетание 2 местоимений, указательного анафорического **is* и указательного **tos* или **tom* в роли близкой к частице [Топоров 1958: 80–86]. Точка зрения В. Н. Топорова была уважительно отражена в некоторых этимологических словарях [ЭССЯ 8: 246–247; ЕСУМ 2: 319–320; ЭСБМ 3: 400–401; ESJS 254].

Все семасиологические и типологические наблюдения автора, вся аргументация в поддержку этой этимологии, безусловно, приемлемы и встречены сочувственно

этимологическим сообществом. 15 лет назад рецензент также (хотя и с некоторыми оговорками) придерживался этой этимологии [Шапошников 2010, I: 365, 363–364].

Этому этимологическому толкованию легкие контраргументы В. В. Мартынова и Ю. С. Степанова нисколько не угрожают. Хотя детальная критика и пристрастный разбор этой контраргументации показательны для «этимологического мастер-класса». Эта статья А. Ф. Журавлёва имеет все шансы стать хрестоматийной.

Между тем, эта этимология имеет фатальный изъян: она базируется на гипотезе об очень раннем и.-е. диал. словосложении форм им. пад. *is+tos*, из этого и.-е. диалекта будто бы унаследованном в ранний праслав. **istos* без исторических регулярных метаморфоз фонемного состава. При том, что в праслав. прекрасно сохранились регулярные рефлексы этих и.-е. местоимений **jb* и **tb(jb)*, а следовательно, ожидалось бы регулярное словосложение в виде **jbtb(jb)*, а не **jbstb(jb)*.

Для того, чтобы избежать этого очевидного затруднения в реконструкции внешней и внутренней форм слова, предлагали считать эту позднепраславянскую форму цельнолексемным заимствованием из классической латыни (*iste, ista, istud* ‘этот, эта, это’).

Обе гипотезы происхождения праслав. **jbstb, -a, -o* не доказуемы.

Пока не вижу иного способа реконструкции собственно праславянского и общеславянского прилаг. **jbstb, -a, -o*, кроме как допустить словосложение раннепраслав. (?) рефлекса и.-е. формы сред. рода **id* (тождественной лат. *id, ejus, ei, id, eo, ea, eorum, eis, ea, eis*) и местоим. **tos (*to-)*, то есть **idtas > *jbstb*. В крайнем случае, можно предложить словосложение указательно-определятельного местоимения **ipse, -a, -om* (раннепраслав. **issas, -ā, -an?*) и **tos (*to-)*, т. е. **isstas > *isto-*. Существование в раннем праславянском местоимения **id*, возможно поддерживается существованием местоименной проклитики **'ad-* (и.-е. **ed-*), сохраненной чудом в составе числительного **edinъ*. Свидетельств существования раннепраслав. рефлекса и.-е. диал. **ipse* мне не известно.

Остается без ответа и вопрос о том, является ли **jbstb* собственно праслав. новообразованием **idtas*, или совместной инновацией (общим переживанием) с пралат. (дарданским) **iste, -a, -ud*. Скорее тогда уж первое, потому что всем известное лат. словосложение *idem, eiusdem, eidem, eodem, eadem, eorundem, eisdem/iisdem, eadem, eisdem/iisdem* не имеет видимых следов сложения *id+dem*. В пралат. сложении явно участвовала усеченная основа *i-* без финали *-d* (ср. *sessum* из **sedtom*).

Глава «К этимологии слав. **vorb-* ‘птица воробей’» (с. 261–266) автор сомневается в правомерности консенсусной этимологии этого орнитонима как явления звукоизобразительной в своих истоках природы (и.-е. корень **ǵer-* ‘издавать звуки; ворковать’). Автору кажется целесообразным сопоставить названия воробья с диал. технич. термином (ткач.) *вороб, вороба, воробы* ‘мотовило, крестовина для намотки пряжи с мотовила’.

Алломорф **vorb-* : **verb-* в этом термине восходит к и.-е. **ǵerb-/ *ǵerb^h-*, расширению основы **ǵer-* III ‘вращаться, огибать’.

Автор полагает, что это не омофоны, а результаты метафоры и терминологизации единой основы **ǵerb^h-/ *ǵorb^h-* ‘вращаться, вертеться’ (с. 264–265).

Решение вопроса о семантических отношениях между **uorb-/ *uorb^h-* ‘воробей’ и **uorb-/ *uorb^h-* ‘мотовило’ может быть двояким: либо орнитологический и технический термины восходят к одной и той же основе, независимы и параллельны, с дальнейшей дифференцирующей суффиксацией, либо между ними существуют отношения метафорической производности (как в *лебёдка, журавль* ‘вид птицы’ → ‘ворот, барабан’).

Этот подход, несмотря на детальную проработку семантики и типологии переноса названий птиц на технические устройства, всё же не гарантирует безусловно аналогичного переноса названий технических устройств на виды птиц, в частности, производных от и.-е. основы **uerb-/ *uorb-* ‘вертеть, вращать’.

Этимология ‘воробья’ так и остаётся вероятно обоснованной для 3–4 старых толкований:

1 **vorbь, *vorbьjь* — однокоренное лат. *verbum*, и.-е. **uerb-/ *uerb^h-* ‘звучать, ворковать’;

2 **vorbьjь* — однокоренное прусск. *arvarbs* ‘дрога, оселина’;

3 польск. *wróbel* — однокоренное др.-греч. ῥόβιλλος ‘королёк (птица)’, семантическая эволюция начинается с и.-е. **uerb-/ *uǝrb-* ‘прут, розга, палочка, стебелёк, побег’; в данном случае птица была названа так потому, что собирает прутики, палочки, стебельки для строительства гнезда;

4 полесск. *швороб, швораб, шурабель* — однокоренное праслав. **svǝrběti* ‘свербеть, зудить, чесаться’ (переносно: о восприятии пронзительного чириканья), лит. *žvirblis*, лтш. *zvirbulis*;

Эта глава может быть использована в дидактических целях при подготовке молодых этимологов (показывает разновекторность этимологического поиска).

В главе «Русск. *двужилный*» (с. 267–270) на основе семантики двужилных лошадей и двужилных людей предлагается верная этимология на основе словосочетания *дважды жил*, никакого отношения к сущ. *жила* не имеющего.

В главе «Об этимологии русск. *детинец* ‘крепость’» (с. 271–277) автор очень убедительно реконструирует первичное значение др.-русс. градостроительного термина как ‘детское место’, т.е. место, где зарождается и вынашивается плод. Очень поучительное исследование.

В главе «Русск. *парень*» (с. 279–287) автор исследует почти неразрешимую проблему словообразования и первичного значения позднего русск. сущ. *парень* м. р. ‘юноша, молодой человек’ (разг.); ‘вообще человек, мужчина’ (прост.); уменьш. *паренёк* м. р. (к 1 знач.). Слово изв. в обиходном русск. языке XVI–XVII вв. в виде *парень*, отм. в словарях с 1731 г. А. Ф. Журавлёв предлагает считать вост.-слав. **парень* производным с суф. *-нь* от основы глаг. *порѣть* ‘входить в возраст, силу, дородство’; ‘зреть, созревать’ (замечу, что ожидалось бы ударение *парѣнь* с учетом диал. *пóрень* ‘здоровяк, крепыш’). Если только перед нами не нераспознанное еще заимствование (из герм. *barn* при финск. посредстве?), то представляется более вероятным предположение, что сущ. *парень* соотносимо с сущ. *распря, спор* и глаг. *спорить, препираться* (праслав. корень **prь-, *pīr-, *por-* и продленная ступень вокализма **par-*). В др.-русс. ономастике функционировало слово *прѣи* этого же лексического гнезда.

В главе «Слав. **jьskra*. Русск. *искромётный*» (с. 289–295) на основе ряда особых значений слова в диал. производных автор предлагает иную этимологию праслав. **jьskra* [ЭССЯ 6: 52] с первичным знач. ‘маленький кусочек, мелкий осколок’.

Автор предполагает, что знач. ‘осколок, отлетевшая частица’ у слова **jьskra* было первичным (с. 290) и приводит славянские и неславянские аналоги. Девербативный характер номинации подчёркивается семантикой ударного префикса **jь(z)-*: **jьskra* из **jь(z)-skr-a*, в которой есть рефлекс и.-е. *(s)k(h)er- ‘резать, отсека́ть’. Второй сюжет посвящён русск. прилаг. *искромётный* трактуется в связи с смол. *искромётина* ‘искра, занесённая куда-л. ветром’ и твер. *искромётка* ‘лучина для растопки’.

Слабое место этой этимологии — неясность природы *-s-* в **jьskra*. То ли перед нами чудным образом сохранившееся *s mobile* и.-е. глаг. *(s)kr- (ожидалось бы праслав. **xr-*), то ли это результат ассимиляции **jьz-skra* (уникальный случай), то ли сложение преф. и корня реконструируется в виде **jьz-kra* (как в **jьzkrъ*). Наконец, всё-таки имеет право на существование критикуемое этимологами толкование **jьskra* в связи с глаголом **kresati*. Если принять во внимание существование этого и.-е. глаг. корня без расширителя *-k-* или *-sk-* (ср. лат. *cresco* и *crēo*). И.-е. перегласовка корня **krē-*: **krō-* закономерно отражалась бы в праслав. **krě-*: **kra-* (ср. гл. **искрѣти** и **искра**). Семантика ‘высекать искры’ у словосочетания *кресать огонь* может оказаться изначальной [Шапошников 2010, I].

В главе «Укр. *гарний*, блр. *гарны*» (с. 295–297) автор пришел к справедливому умозаключению, что эти слова являются заимствованиями из польского, где известны диал. *garny* ‘привередливый, гордый’ (Warsz. I, 807). Польское слово закономерно восходит к праслав. **gьrdьnъ(jь)*, суффиксному производному от **gьrdь* ‘гордый’ (с. 297). Конкретная история распространения этого слова, возможно, будет написана после публикации словарей польского языка XVIII–XX вв., изданных в восточных воеводствах.

В главе «К этимологии русск. *олух*, укр. *олух* (и русск. *лох*)» (с. 299–302) автор приходит к выводу, что *олух* получает достаточно надёжную собственно славянскую этимологию на основе южн. *elón*, *elón* ‘остолоп, болван’, арханг. *opolъx* ‘дурак, остолоп’. Источником этих влр. диал. слов признаётся польск. *jołop* (внутр. реконструкция **oblorpъ* или **elopъ* (как в польск. *jodłowy* < **edlovъ*, *olchowъ* < **elъxovъ*). Параллелизм *n : x*, иллюстрируемый примерами на с. 302, всё таки является lame excuse этой этимологии. Параллели типа болг. *залъx* ‘тупица’ и арханг. *opolъx* ‘дурак, остолоп’, к сожалению, не добавляют ясности в этот курьёзный сюжет. Все версии сомнительны. Я бы обратил внимание на русск. диал. *ослón* ‘дубина, кругляк’ и ‘дурак, остолоп’ [Фасмер III, 161].

Очень поучительна глава «Взвешивание конкретных мотивационных версий в этимологической практике (о слове *валун*)» (с. 303–309).

А. Ф. Журавлёв сравнивает доводы и аргументы в пользу двух версий происхождения слова *валун*. Он приходит к выводу, что старая этимология на базе глаг. *валять(ся)* ‘кататься по поверхности’ более обоснована, чем новая этимология: камень получил переносное название по подобию животному, кабану, кладенному кабану (с. 308–309).

Глава «Из мелких поправок и уточнений к ЭССЯ» (сс. 311–320) очень ценна и полезна.

Автор полагает словарную статью **aglъ(jь) / *jaglъ(jь)* [ЭССЯ 1: 53] избыточной и предлагает ее материал перенести в статью **deglъ(jь)* [ЭССЯ 5: 25] (сс. 311–312);

Семантическая эволюция **dorgъ* [ЭССЯ 5: 77] ‘драгоценный, дорогостоящий’ → ‘милый сердцу, любимый’ видится аналогичной ‘золотой’ → ‘дорогой, любимый’ (с. 312);

Трактовка О. Н. Трубачёва и А. Ф. Журавлёва существительного **dǫbrava / *dǫbrova* [ЭССЯ 5: 93] в знач. ‘трава, покос’ неудовлетворительна (312–313). Мне в этой второй *дуброве* видится диал. однокоренное существительному **dǫbrъ*, как известно, иллиризму или кельтизму в праслав., ср. иллир. *dǫbris* ‘заливной луг, разлив’, ‘море’, то же кельт. *dubris*. Видимо, следовало реконструировать не вариант праслав. **dǫbrava*, а отдельное сущ. **dubrova* < **daubrava*.

Представляется правильным исключить русск. диал. (вят.) *кобник* ‘кузнечик’ из статьи **кобъникъ* [ЭССЯ 10: 103], так как перед нами в данном случае мутация (*в* → *б*) в вост.-слав. аналоге цслав. *ковъникъ*, сербохорв. *кóвник* ‘заговорщик’, русск. диал. *ковник* ‘колдун’ (с. 313).

Слвц., в.-луж., н.-луж. примеры следует исключить из статьи **kosidlo* [ЭССЯ 11: 140–141] и отнести к статье **obsidlo* ‘силок, петля’ [ЭССЯ 29: 173]. Ведь в первом случае имеем производное с усилительным преф. **ko-* от **sidlo* (313–314).

Русск. диал. *калматый, колматый* ‘безрогий’ есть метатеза в *камлатый* ‘комольный, безрогий’ и относится не к статье **къlmatъ* [ЭССЯ 13: 189], а к **komjъ, *комьль* [ЭССЯ 37: 72] и глаг. основе **отъком(j)iti* (с. 314).

Для праслав. **къrma* I [ЭССЯ 13: 220–222] предлагается номинация с семантической эволюцией ‘кормить’ → ‘ухаживать, печься’ → ‘направлять, вести (стадо, судно)’ → ‘наставлять, направлять’, поэтому **къrma* I ‘рулевое весло’ из ‘правило’, ‘то чем правят’ → ‘место расположения его’, ‘часть судна’, глаг. **къrmiti* произведен от сущ. **къrma* (сс. 314–315). Как бы не оказалось, что **къrma* I отвлечено от глаг. **къrmiti*, который является адаптированным (переоформленным) заимствованием из испорченного греч. глаг. *κυρβ(ε)νᾶω* (правильно *κυβερνᾶω, -ῶ*) ‘править, управлять, руководить’, аналогично позднему болг. диал. *кервени* с метатезой в греч. *κυρβενεῖ* из *κυβερνεῖ* (БЕР)?

Для праслав. **къrъно* [ЭССЯ 13: 244] предпочтительнее первичное значение ‘кожа, шкура’, ср. **азьно* ‘кожа (козья)’ (с. 315);

сербохорв. диал. *лѣчити* — явный болгаризм *лѣча, лѣчиши, лѣчех, лѣчих* ‘отнимать от груди’, ‘отделять, отлучать’ — следовало бы исключить из статьи **lačiti* [ЭССЯ 14: 8] (сс. 315–316);

русс. фольк., тульск. *местники, мѣстница, полуместницы* следовало бы исключить из статьи **мѣстъникъ* [ЭССЯ 18: 208] как гетерогенный материал (с. 316);

блр. диал. *нагула* ‘наглый человек’ следует исключить из словарной статьи **nagula* II [ЭССЯ 22: 66–67], которая связана с глаг. **gul’ati, *nagul’ati* (сс. 316–317)

из статьи **nasoriti* [ЭССЯ 23: 65–66] следует исключить укр. *насору́га* ‘задор...’ и *насору́жний* ‘задира, навязчивый’ и переместить в гнездо глаг. **rogati (se)*

(сс. 317–318); кроме того, двупроставочное образование **na-sъ-roga* имеет мало шансов быть праслав.

следует исключить из словарной статьи **nastaniti (se)* [ЭССЯ 23: 68–69] вологод. глаг. *настанѣть*, как гетерогенный (сс. 318–319);

реконструкт **oblъbĕti* ‘сильно ударить в лоб; остолбенеть’ не имеет статуса праслав. (сс. 319–320).

Будущим поколениям составителей ЭССЯ следует обратить внимание на эти казусы и учесть необходимые исправления в дальнейшей работе.

Следующий раздел назван автором «Параллели» (с. 321), но речь идёт в нём больше о лексико-семантических заимствованиях или о схождении языков, некогда составлявших один ареал. Статьи третьего раздела посвящены выявлению и анализу славяно-неславянских семантических параллелей (мифологические образы, символика чисел, мотивация и метафорические сдвиги, фразеология).

Глава «Несколько славяно-неславянских культурных и языковых встреч (к символике чисел)» состоит из 3-х этюдов (сс. 323–335). В этих этюдах рассматриваются некоторые конкретные лингвистические сюжеты (3), имеющие отношение к проблеме межкультурных влияний. При всем несходстве затронутых сюжетов (пространстве, времени, семантике, книжной или устной природе) их объединяет попытка автора увидеть в некоторых фактах русск. и слав. культур следы влияния некоторых неслав. культур. Первые два сюжета очень хороши, но третий сюжет вышел маловнятным.

В первом сюжете автор исследует псевдотеоним (?) *Троянь* (сс. 323–325). Этот теоним встречается в др.-русск. словесности в редчайших случаях: «...*рища (Боянь) въ тропу Трояню чресь поля на горы...*» в неясном знач. (Сл. о п. Иг.) и в ст.-русск. словесности в функции теонима «...*Перуна и Хорса, Дья и Трояна...*» с пояснением «*Троянь бѣше црь в Римѣ*» (Сл. и откр. св. ап.) [Гальковский 2000: 52].

Отсюда проистекает толкование Н. М. Карамзина: *Троянь* есть пережиток представления о имп. царе *Траяне* авг. (сс. 98–117), подобно *Дуклянь* — от *Диоклетиан*.

Но уже Афанасьев выводил это имя из формы числ. *трое* и ссылаясь на божество поморян *Триглава* [Афанасьев ПВСП II, 643]. В серб. фольклоре *Троян* также трехглавый, одна голова пожирает людей (Аид), вторая — скот (Зевс), третья рыбу (Посейдон). При этом серб. *Троян* — крылатый змей с козьими ушами. Сремский вариант Трояна боялся Солнца, в утренних лучах которого он и растаял.

Позднейшие исследователи усматривали аналогии в троицах легендарных персонажей (Кый, Щекъ и Хоривъ), исторических правителей (Рюрикъ, Труворъ и Синеусъ; Ярополк, Олег, Володимир Святославичи, Изяслав, Святослав, Всеволод Ярославичи).

Для др.-русск. *Троянь* автор предлагает остановиться на аналоге иранской традиции *Траэтаона* (отец Арьи, Туры и Сармы) и на символике троичности (с. 326). Но все аргументы в пользу гипотезы о заимствовании легендарного зороастрийского образа в др.-русск. словесность при посредстве туранских этнических групп (аланов, ясов) слабые: *Хорсь* скорее германизм, чем туранизм, мотив трехглавого змея относится к врагу Траэтаоны Ажи Дахаке, а не к самому ему, да и подходит лучше к сербской традиции, чем к др.-русск.

Пресловутые Трояновы валы и рвы в Поднепровье и Поднестровье не могут быть глухими воспоминаниями о временах имп. Траяна, так как в его правление пограничные рвы и валы еще не сооружались, а шла военная экспансия империи. Также никоим образом эти земляные укрепления не связаны с туранцами и зороастрийцами. При кн. Владимире эти валы уже существовали, но кто их соорудил, не помнили. А эти валы и рвы сооружались древним болгарским государством в VIII–IX вв. именно для разграничения территорий с восточными славянами, так же как и *землен окоп* (рвы и валы 814–831 гг.) для разграничения с Византийской империей. В нач. X в. болгарские пограничные сооружения в Поднестровье и Поднепровье были захвачены печенегами, которым они стали больше не нужны, так как вост.-слав. племена отступили от них к северу.

Во втором сюжете «Сорок» (сс. 328–333) автор приходит к справедливому выводу, что русская символика числа сорок, начавшись с первичных значений скандинавизма *sarkr*, вобрала в себя многие побочные смыслы ближневосточных (преимущественно, иудейских ересей) и дальневосточных (тюркских, монгольских) традиций.

Третий сюжет «Русск. диал. *оплетан*» (сс. 334–335) посвящен персонажам низшей мифологии, которые обозначаются теми же наименованиями, что и вид степных грызунов (тушканчиков). Дальше мысль автора двигалась от тушканчика к вампиру и половиннотелым хозяевам тайги. В результате исследования этого запутанного явления, выявлена возможность семантического развития от половинности к единичности.

В главе «*Ой дид-ладо* и его аналогии» (сс. 337–343) в результате проведенного исследования становится ясно, что *Ладъ, Лада, Ладо* как языческое божество славян представляется плодом слишком пылкого кабинетного воображения. Статус таких «псевдотеонимов», отвлечённых от рефренов песен, явно надуманный.

Глава «Из наблюдений над славяно-иранскими семантическими параллелями (Slavo-Ossetica)» (сс. 345–411) — замечательная по широте охвата работа А. Ф. Журавлёва. Отобранные им в 2000-х гг. осетино-русские семантические параллели позволяют поставить вопрос о неслучайном характере этого явления. В некоторых случаях мы имеем дело с явлениями типологической природы, в других — с ареальными совместными лексико-семантическими инновациями, а иногда угадываются параллельные аналогии в результате развития еще и.-е. тенденций. Влияние русского языка на осетинский в XVIII–XX вв. трудно диагностировать.

Примечательна параллель в образовании названий месяцев. Из прочих сопоставлений сомнительными представляются только те, где недостоверна осетинская этимология, например, есть вопросы к этимологии осет. дигор. *Руймон* [ИЭСОЯ II, 430–431]; к этимологии сущ. *элдап* [ИЭСОЯ I, 126–128] (с. 352); к этимологии *særd, særdæe* (с. 382), к этимологии *æfsurg / æfsorg* ‘чудесная порода коней’ [ИЭСОЯ I, 112–113] (скорее, в данном случае, как и во многих других, название породы отвлечено от местности, *Vasparukan*, например).

В целом, перед нами редкое объёмное лексико-семантическое сближение, показывающее подобие смысловых мотивировок и сходство (тождественно-лексемных и разнолексемных) семантических эволюций в родственных языках.

Разработка диахронической семантической типологии — насущная потребность историко-лингвистического исследования.

Цель — установление ономазиологических посылков, господствующих в лексической подсистеме языка, и преобладающих путей семасиологического развития лексики. Необходим словарь семантических параллелей, каталоги семантических переходов слав. — русск., русск.-финноугорск., русск.-балтийск. и проч. Сопоставительно-семантическое исследование (2 языков/групп) явл. именно таким словарём или каталогом семантических сходств между осетинским и славянским языком.

Указатель семантических моделей, рассмотренных в главе «Из наблюдений» (сс. 412–417) в высшей степени ценен и для семасиологов и для лексикологов, и для этимологов. Необходимо обратить на него внимание и составителям ЭССЯ.

Глава «О некоторых конских мотивах в осетинской и вост.-слав. фитонимии (название подорожника и др.)» продолжает тему осетинско-русских лексико-семантических сходжений (сс. 419–422).

Если принять этимологию В. Абаева, то номинация подорожника в ирон. диал. *dūgy syf* исходила от наблюдения об этой растущей вдоль дорог траве как вытаптываемой лошадьми, беспрестанно попираемой их копытами.

Подобные представления отразились и в русск. диал. названии подорожника *конотоп*, *конотопка*, *конотопок*, *конетоп*, *конутоп*, *конотопь* и др.

Но реконструкция двух праслав. омонимов **konotopъ* I и **konotopъ* II была бы излишней в ЭССЯ. Всё-таки перед нами русско-осетинские лексико-семантические параллели, возможно, совместное переживание восточнославянских и яских племён в верховьях Дона и Донца в 750–900 гг. и позднее.

Едва ли следует давать статус праслав. для **konotopъ* ‘вытаптываемый конями’. А в словарной статье **konotopъ* (ЭССЯ) следовало бы оставить только те слав. примеры, особенно гидронимию, и реконструировать только первичное знач. «конская топь, болото, в котором утопился конь».

Глава «*Дурака кусок: xæjɾæɣu xaj* (об одной слав.-осет. фразеологической параллели)» (423–426). Констатируется скорее типологическая фразеологическая русско-осет. параллель, нежели ареальное совместное новообразование.

Библиографические сокращения на сс. 427–464.

Справка о первых публикациях на сс. 465–467 завершает это научное издание.

Литература

- Гальковский 2000 — Гальковский Н. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. [Репринтное конволютное издание («Тома первый, второй».)] М., 2000.
- II. Древнерусские слова и поучения, направленные против остатков язычества в народе.
- Кретов 1994 — Кретов А. А. Балтийские и славянские продолжения и.-е. **orǵh-*. Статья I: лит. *isarza* и праслав. **kьporzъ* // *Linguistica Baltica*, 1994, № 3, 197–206;
- Маньков 2010 — Маньков А. Е. К этимологии праслав. **borvъ* и прагерм. **barugaz* // *Этимология / Отв. ред. Ж. Ж. Варбот; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН.* — М.: Наука, 1963 — 2006–2008. — 2010. 167–174.

- Мейе 1951 — *А. Мейе*. Общеславянский язык. М., 1951.
- Седов 1994 — *Седов В. В.* Славяне в древности. М. Научно-производственное благотворительное общество «Фонд археологии», 1994.
- Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А.* Народы, расы, культуры. Изд. 2-е испр., доп. / Отв. ред. акад. Ю. В. Бромлей. М.: Наука, 1985.
- Слово и откровение святых апостол* // Летописи русск. лит-ры и древности, изд. Н. Тихонравовым М., 1861 Т. III, Отд. 11, с. 5–6, сп. XVI в.
- Топоров 1958 — *В. Н. Топоров*. Этимологические заметки (славяно-италийские параллели) // Краткие сообщения Института славяноведения <АН СССР>. 25. М., 1958. 80–86.
- Трубачёв 1991 — *Трубачёв О. Н.* Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистический исследования. — М.: Наука, 1991. — 271 с.
- Филип 1961 — *Jan Filip*. Celtic Civilization and its Heritage. Praha: Academia, 1976. — 232 p., XL ill.;
- Чебоксаровы 1985 — *Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова*. Народы, расы, культуры. Изд. 2-е испр., доп. / Отв. ред. акад. Ю. В. Бромлей. М.: Наука, 1985.
- Шапошников 2010а — Этимологический словарь современного русского языка / Сост. А. К. Шапошников. В 2 т. Т. 1. — М.: Флинта: Наука, 2010. — 584 с.; Т. 2. — М.: Флинта: Наука, 2010. — 576 с.
- Шапошников 2010б — *Шапошников А.* Нестинарски игри — опыт семиотического описания. // LINGUISTIQUE BALKANIQUE XLIX (2010), 1–2 с. 143–149;
- Шапошников 2012 — *Шапошников А. К.* Рецензия на: Eva Havlová. České názvy savců. Historicko-etymologická studie. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2010. — 270 p. (Studia etymologica Brunensia 10) // Этимология 2009–2011. Отв. ред. Ж. Ж. Варбот. М.: 2012. 346–357.
- Шапошников 2013 — *Шапошников А. К.* Реконструкция архетипа общеевропейского и праславянского календаря сравнительно-историческим методом. Reconstruction of Common Indo-European and Slavonic Archetype of Lunar Calendar by Comparative-historical Method. // ISSN 1562–1391. «Вопросы Филологии» — спецвыпуск: VII Международная научная конференция «Язык, культура, общество» 26–29 сентября 2013 г. — Пленарные доклады. — с. 73–82. <https://sites.google.com/site/posidima/home/kalendae-januarii/novygod>
- Шапошников 2015 — *Шапошников А. К.* Праславянские соответствия *sk ~ x ~ šč* // Труды ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН, серия «Этимология» 2012–2014 М., 2015. 364–390.
- Шаур 1973 — *В. Шаур*. К вопросу о реконструкции праславянских названий месяцев // Этимология. 1971. М., 1973. 93–101.
- Detschew 1976 — *Detschew D.* Die Thrakischen Sprachreste. 2 Auflage mit Bibliographie 1955–1974 von Živka Velkova. Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. Wien, 1976.
- Havlová 2010 — *Eva Havlová*. České názvy savců. Historicko-etymologická studie. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2010. — 270 p. (Studia etymologica Brunensia 10). 177.

Moszyński 1957 — *K. Moszyński. Pierwotny zasiąg języka prasłowiańskiego.* Wrocław; Kraków, 1957.

Popowska-Taborska 1989 — *H. Popowska-Taborska. O potrzebie słownika semantycznych paralelizmów // Paralele w rozwoju słownictwa języków słowiańskich.* Warszawa, 1989. s. 46–48.

Сокращения

Афанасьев ПВСП — *А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. I–III.* М., 1994. [Фототипическое воспроизведение издания 1865–1869 гг.]

БЕР III — Български етимологичен речник III, София: Изд-во на БАН, 1986.

ЕСУМ — Етимологічний словник української мови. / Ред. кол.: О. С. Мельничук, І. К. Білодід, В. Т. Коломієць, О. Б. Ткаченко. Голов. ред. О. С. Мельничук. Т. 1–2–3–4–5. Київ, 1982, 1985, 1989, 2003, 2012.

ИЭСОЯ — *Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. III.* — М., 1978.

КБН — Корпус Боспорских надписей. — М.; Л., 1965.

Фасмер III — Этимологический словарь русского языка. Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёва. Том III (Муза-Свят). М.: Изд-во «Прогресс», 1971.

ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Рэд. В. У. Мартынаў. Мінск, 1978–. Т. 1–. Мінск, 1978–1985. Т. 1–3–, 3: 400–401.

ЭССЯ 3 — Этимологический словарь славянских языков. Т. 3. — М.: Наука, 1976.

ESJS — *Etymologický slovník jazyka staroslověnského / Hl. redaktorka E. Havlová.* Т. 1–18–. Praha, 1989–2016–.

Warsz. — *J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiedzki. Słownik języka polskiego, t. I–VIII, wyd. fotooffsetowe.* Warszawa, 1952.

A. K. Shaposhnikov

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
etymol@mail.ru*

Review of: ZHURAVLEV A. F.

EVOLYUTSII SMYSLOV [EVOLUTIONS OF MEANINGS].

Moscow: YaSK Publ., 2016. 472 p. ISBN 978-5-9907947-5-7.

The present book includes works by A. F. Zhuravlev touching upon various aspects of Slavic lexical and phraseological semantics. Earlier publications are notably expanded by means of including new data and newly elaborated argumentation. The publication is intended for linguists and culture historians but could be of interest for a broader audience.

Key words: lexical semantics, phraseological semantics, language, vocabulary, material and spiritual culture, reconstruction of worldview, axiological (value-based) category, naïve and savant etymology, translation, etymology, semantic parallel, symbolism of numbers.

References

Cheboksarov N. N., Cheboksarova I. A. *Narody, rasy, kul'tury* [Peoples, Races, Cultures]. 2nd edition, rev. and augm. / Exec. ed. Yu. V. Bromlei. M.: Nauka Publ., 1985.

Filip Jan. *Celtic Civilization and its Heritage*. Praha: Academia, 1976. — 232 p., XL ill.

Gal'kovskiy N. *Bor'ba khristianstva s ostatkami yazychestva v Drevney Rusi. II. Drevnerusskiye slova i poucheniya, napravlennyye protiv ostatkov yazychestva v narode* [The struggle of Christianity with the remnants of paganism in ancient Russia. Vols. 1 and 2. Vol. II. Old Russian words and teachings directed against the remnants of paganism among the people.]. Moscow, 2000.

Kretov A. A. *Baltiyskiye i slavyanskiye prodolzheniya i.-ye. *orǵh-. Stat'ya I: lit. isarza i praslav. *kъnorzъ* [The Baltic and Slavic continuations of IE *orǵh-. Article I: Lit. isarza and Proto-Slav. *kъnorzъ]. *Linguistica Baltica* [Baltic Linguistics], 1994, № 3, 197–206;

Man'kov A. Ye. *K etimologii praslav. *borvъ i pragerm. *barugaz* [On the etymology of the Proto-Slav. *borvъ and Proto-Germ. *barugaz]. *Etimologiya*. Ed. by Zh. Zh. Varbot; In-t rus. yaz. im. V. V. Vinogradova RAN. — M.: Nauka Publ., 1963 — . 2006–2008. — 2010. P. 167–174.

Meillet A. *Obshch斯拉vianskiy yazyk* [Common Slavonic Language]. Moscow, 1951.

Sedov V. V. *Slavyane v drevnosti* [The Slavs in Antiquity]. Moscow: «Fond arkheologii» Research and Production Charitable Society, 1994.

Shaposhnikov 2010a — *Etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. Compiled by A. K. Shaposhnikov. In 2 volumes. Vol. 1. — M.: Flinta Publ.: Nauka Publ., 2010. — 584 s.; Vol. 2. — M.: Flinta Publ.: Nauka Publ., 2010. — 576 p.

Shaposhnikov A. *Nestinarski igri — opyt semioticheskogo opisaniya* [Games of the Nestinars: An Attempt at a Semiotic Description]. *Linguistique Balkanique* [Balkan Linguistics] XLIX (2010), 1–2 s. 143–149;

Shaposhnikov A. K. Review of: Eva Havlová. *České názvy savců. Historicko-etymologická studie* [Review of: Eva Havlová. Czech Names of Mammals]. Praha: Nakladatelství Lidové noviny Publ., 2010. — 270 p. (Studia etymologica Brunensia 10). *Etimologiya 2009–2011*. Ed. by Zh. Zh. Varbot. Moscow: 2012. P. 346–357.

Shaposhnikov 2013 — Shaposhnikov A. K. *Rekonstruktsiya arkhetypa obshche-indo-evropeiskogo i praslavyanskogo kalendarya sravnitel'no-istoricheskim metodom*. [Reconstruction of Common Indo-European and Slavonic Archetype of Lunar Calendar by Comparative-historical Method]. *Voprosy Filologii* [Issues in Philology] — special issue: VII International conference «*Yazyk, kul'tura, obshchestvo*» [Language, Culture, Society], 26–29 September 2013. — Plenary talks. — p. 73–82. <https://sites.google.com/site/posidima/home/kalendae-januarii/novygod>

Shaposhnikov A. K. *Praslavyanskiye sootvetstviya sk ~ x ~ šč* [Proto-Slavic correspondences sk ~ x ~ šč]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*. No. 4, 2015. P. 364–390.

Shaur V. *K voprosu o rekonstruktsii praslavyanskikh nazvaniy mesyatsev* [On the question of the reconstruction of the Proto-Slavic names of the months]. *Etimologiya*. 1971. M., 1973. 93–101.

Slovo i otkrovenie svyatykh apostol [The Word and the Revelation of the Saint Apostles]. *Letopisi russkoi literatury i drevnosti* [Chronicles of Russian Literature and Antiquities], publ. by N. Tikhonravov. Moscow, 1861. Vol. 111, Section 11, p. 5–6, sp. KhU1 v.

Toporov V. N. *Etimologicheskiye zametki (slavyano-italiyskiye paralleli)* [Etymological notes (Slavic-Italic parallels)]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta slavyanovedeniya <AN SSSR>*. 25. Moscow, 1958. 80–86.

Trubachev O. N. *Etnogenez i kul'tura drevneyshikh slavyan: Lingvisticheskiy issledovaniya* [Ethnogenesis and the culture of the Earliest Slavs: Linguistic research]. — Moscow: Nauka Publ., 1991. — 271 p.

Detschew 1976 — Detschew D. *Die Thrakischen Sprachreste* [Thracian Language Relics.] 2nd edition with bibliography 1955–1974. By Živka Velkova. Publ. of Austrian Academy of Sciences. Vienna, 1976.

Havlová 2010 — Eva Havlová. *České názvy savců. Historicko-etymologická studie* [Czech Names of Mammals. A Historical-Etymological Study]. Praha: Lidové noviny Publ., 2010. — 270 p. (*Studia etymologica Brunensia* 10). 177.

Moszyński 1957 — K. Moszyński. *Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego* [The original range of the Proto-Slavic language]. Wrocław; Kraków, 1957.

Popowska-Taborska 1989 — H. Popowska-Taborska. *O potrzebie słownika semantycznych paralelizmów* [On the Need for a Dictionary of Semantic Parallelisms] // *Paralele w rozwoju słownictwa języków słowiańskich* [Parallels in the Development of Slavic Vocabularies]. Warszawa, 1989. p. 46–48.

Abbreviations

Afanas'yev PVSP — A. N. Afanas'yev. *Poeticheskiye vozzreniya slavyan na prirodu. Opyt sravnitel'nogo izucheniya slavyanskikh predaniy i verovaniy, v svyazi s mificheskimi skazaniyami drugikh rodstvennykh narodov* [Poetic views of the Slavs on nature. The experience of a comparative study of Slavic traditions and beliefs, in connection with the mythical tales of other kindred peoples]. I–III. M., 1994. [Fototipicheskoye vosproizvedeniye izdaniya 1865–1869 gg.]

BER III — *Bŭlgarski etimologichen rechnik* [Bulgarian etymological dictionary] III, Sofiya: Izd-vo na BAN, 1986.

ESBM — *Etymalogichny sloŭnik belaruskay movy* [Etymological vocabulary of Belarusian tongue]. Red. V. U. Martynaŭ. Minsk, 1978–. T. 1–. Minsk, 1978–1985. T. 1–3–, 3: 400–401.

ESJS — *Etymologický slovník jazyka staroslověnského* / Hl. redaktorka E. Havlová. T. 1–18–. Praha, 1989–2016–.

ESSYA 3 — *Etimologicheskij slovar' slavyanskikh yazykov* [Etymological Dictionary of Slavic Languages]. Т. 3. — М.: Nauka, 1976.

ESUM — *Etimologichnii slovník ukrains'koï movi*. [Etymological Dictionary of the Ukrainian Language]. Editorial board: Red. kol.: O.S. Mel'nichuk, I.K. Bilodid, V.T. Kolomiets', O.B. Tkachenko. Golov. red. O.S. Mel'nichuk. Т. 1–2–3–4–5. Kiiv, 1982, 1985, 1989, 2003, 2012.

IESOYA — Abayev V.I. *Istoriko-etimologicheskij slovar' osetinskogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of the Ossetian language]. Т. III. — Moscow, 1978.

KBN — *Korpus Bosporskikh nadpisey* [Corpus Inscriptionum Regni Bosporani = Corpus of the Bosporian Inscriptions]. — М.; L., 1965.

Vasmer III — *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka*. [Etymological dictionary of the Russian language]. Trans. from Germ. and augm. by O.N. Trubachev. Volume 3 (*Muza-Syat*). Moscow: Progress Publ., 1971.